

ООН всерьез обеспокоена такими попытками, ведущие мировые державы выражают беспокойство по поводу возможности появления новых членов ядерного клуба.

В этой связи следует принимать во внимание уроки истории и не допускать повторения подобных фактов, в частности, в плане отношений в ядерной области между США и Пакистаном, а также РФ и Ираном.

Литература

1. Громыко А.А. Памятное. Т.1. М., 1988. С. 287.
2. Правда, 1961, 29 сент.
3. Правда, 1961, 1 окт.
4. <http://daccessdds.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/187/85/IMG/NR018785.pdf?OpenElement>
5. <http://daccessdds.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/272/60/IMG/NR027260.pdf?OpenElement>
6. 50 лет борьбы СССР за разоружение: Сб. док. М., 1967. С. 287 – 298.
7. Известия, 1959, 19 сент.
8. <http://daccessdds.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/144/47/IMG/NR014447.pdf?OpenElement>
9. <http://daccessdds.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/749/18/IMG/NR074918.pdf?OpenElement>
10. Борьба Советского Союза за разоружение, 1946 – 1960. М., 1961, С. 411.
11. Правда, 1961, 31 авг.
12. Устав МАГАТЭ. Ст. 2 // http://www.iaea.org/About/statute_text.html
13. <http://www.iss.niit.ru/dogov/dog-02.htm>
14. Договор о нераспространении ядерного оружия: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/npt.htm>

Христианская церковь мусульманской Испании

к.и.н. Рыбина М.В.

Университет машиностроения

rybina@mami.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные проблемные моменты в характеристике положения христианской церкви на завоеванных арабо-мусульманами территориях Пиренейского полуострова. Автор анализирует их с точки зрения вопроса о социальной роли церкви в условиях сосуществования христиан с политически доминирующей мусульманской общиной.

Ключевые слова: мусульманская Испания, христианская церковь, мосарабы, кордовские мученики.

В 711 г. большая часть Пиренейского полуострова была завоевана арабо-мусульманскими племенами из Северной Африки. В 756 г. полуостров вошел в состав омейядского эмирата со столицей в древней Кордове. Христианское население нового мусульманского государства обладало особым административно-правовым и податным статусом [1, pp. 114–127]. Христиане (позднее за ними закрепилось название мосарабы, как принято считать в историографии, от арабского причастия «муста`риб» – арабизированный) вносили в казну подушную подать (джизию), сохраняли внутренне самоуправление общин и собственные законы («Liber Iudiciorum»). Они избирали главу общины – графа, сборщика податей или казначея и судью (последний разбирал дела только внутри христианской общины). Также христианам разрешалось отправление своего культа, хотя и с некоторыми ограничениями – запрещались звон колоколов, крестный ход, другие публичные действия.

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть основные проблемные моменты в характеристике положения христианской церкви аль-Андалуса и дать оценку ее социальной

роли в условиях сосуществования христиан с мусульманами в едином социально-политическом пространстве.

Стоит сразу оговориться, что история церкви наиболее хорошо прослеживается на примере христиан Кордовы IX – X вв. и на материале, который исходит от представителей т.н. движения добровольных (кордовских) мучеников – христиан (в большинстве своем клириков), выступивших в период владычества мусульман в защиту христианской веры и собственных культурных традиций и ценностей. Наиболее радикальные участники движения, действуя по примеру раннехристианских мучеников, прилюдно заявляли о своем исповедании христианства и объявляли пророка Мухаммада лжепророком. В 850–859 гг. в Кордове по приказу мусульманских властей были казнены 48 христиан, обвиненных в презрительном отношении к исламу и проповеди христианской веры. Погибшие христиане признавались единоверцами святыми мучениками, отдавшими жизнь в борьбе за сохранение веры в окружении «нечестивых» завоевателей [2].

Безусловно, информация о положении церкви в этих источниках подчинена определенной цели – доказать притеснения со стороны мусульман и призвать к борьбе с ними – и ее следует использовать с осторожностью. Однако отказываться от нее со ссылкой на полную недостоверность также не стоит. Сведения христианских авторов о церкви нередко являются единственными дошедшими до нас письменными свидетельствами, их дополняют данные археологии, наконец, они нередко содержат объективно верную информацию (например, о расположении церквей Кордовы, составе церковных соборов и т.п.). Временной срез (IX – X вв.) позволяет анализировать положение церкви на протяжении всего ее существования в исламском государстве. В конце XI в. с появлением на Пиренейском полуострове альморавидов, ортодоксальных последователей ислама, проводивших линию на полное уничтожение иноверцев, христианское население аль-Андалуса практически исчезло.

Начнем с вопроса о церковной организации и управлении. На первый взгляд, церковь смогла отстоять свои позиции в новых условиях господства иноверцев. На территории мусульманской Испании находились три церковных провинции, сложившиеся еще в вестготский период – Картагенская с центром в Толедо, Бетика с центром в Севилье и Лузитания с центром в Мериде. По-видимому, сохранялось также традиционное для вестготского периода представление о примате в церковных делах архиепископа Толедо.

Для решения важных церковных вопросов собирались соборы как общие, так и провинциальные. Всеобщим, вероятно, был собор в Кордове в 839 г. На соборе осуждалась ересь, близкая к пелагианству – т.н. полупелагианство (ее сторонники пытались примирить учение Пелагия и учение святого Августина). На соборе присутствовали епископы Кордовы, Толедо, Севильи, Мерида, Гвадикса, Эсихи, Кабры, Малаги и Гранады. К провинциальным соборам следует отнести кордовские соборы 852 г. (решался вопрос о добровольных мучениках), 861 г. (осуждение ереси донатизма) и соборы 862 г. (оба приурочены к избранию епископов); состав их участников точно неизвестен [3].

При внимательном изучении памятников этого периода становится очевидным растущая со временем зависимость церкви (при формальном сохранении ее организации и административно-территориального устройства) от мусульманских властей. Право созыва церковных соборов, как и прежде, формально принадлежало главе государства. Однако в IX – X вв. им был уже не вестготский король, а кордовский эмир, исповедовавший другую веру. Кроме того, по свидетельству современников, на соборах присутствовали представители исламского государства, вмешивавшиеся в их работу, а также в избрание глав церковных провинций – епископов.

Стоит отметить, что вопрос о взаимоотношении с властями расколол в середине IX в. христианский клир на два непримиримых лагеря – сторонников сотрудничества с иноверцами и тех, кто категорически отвергал данную перспективу. Так, например, в годы мученических выступлений многие клирики отказались поддерживать мучеников, не признавая сам факт гонений на христиан. Можно предположить, что клирики опасались преследований мусульманских властей. Действительно, по мере нарастания недовольства выступлениями му-

чеников со стороны мусульманской общины эмир принял ряд жестких решений в отношении церкви, и многие клирики бежали из Кордовы. Подтверждением этому служат церкви и монастыри, основанные на севере Пиренейского полуострова выходцами из южных мусульманских земель [4, p. 85].

Со временем сотрудничество с мусульманскими властями стало залогом существования церковной организации в рамках исламского государства. В середине X в. мы уже не находим свидетельств открытого противостояния церкви и власти.

Так, известно, что аббат одного из кордовских монастырей Самсон блестяще владел арабским языком и привлекался благодаря этому к службе в канцелярии эмира Мухаммада I. По словам самого Самсона, он занимался переводами переписки эмира с королем Западно-Франкского королевства Карлом Лысым. Важно отметить, что Самсон не только состоял при канцелярии Мухаммада I, но и, вероятно, дорожил своей работой, пользовался расположением эмира. Так, Самсон с радостью отмечал, что когда он был обвинен своим противником епископом Малаги Остегесисом (Самсон именовал его «Враг Христа» – латинское «Hostis Ihesu», обыграв таким образом звучание имени) в разглашении содержания писем эмира, Мухаммад I не поверил этому доносу [5, p. 76]. Реакцию Самсона на это обвинение, безусловно, можно объяснить не только беспокойством за свое место, но и страхом возможных преследований со стороны властей. Однако представить, что столь важное дело было поручено человеку, тяготившемуся своими обязанностями и, более того, противившемуся их исполнению, достаточно сложно.

Отметим, что часть клира, сотрудничая с властями, использовала свое положение исключительно к личной выгоде. Так, по утверждению вышеупомянутого Самсона, его враг епископ Малаги Остегесис получил сан путем симонии и впоследствии сам торговал церковными должностями. Все деньги, собираемые на благо церкви, тратились им на собственные нужды. Самсон сообщал, что Остегесис использовал собранные средства также на подарки приближенным эмира [5, pp. 71 – 72].

Однако самым страшным злодеянием Остегесиса, согласно Самсону, стала попытка утвердить среди христиан города еретическое учение. К сожалению, сочинений самого Остегесиса не сохранилось, однако Самсон, его главный оппонент, пересказывал в своей работе некоторые из взглядов епископа, содержащие элементы осужденных церковью пантеизма и антропоморфизма.

Безусловно, Самсон мог преувеличить недостатки своего недруга (о конфронтации Самсона и Остегесиса хорошо известно), однако, стоит признать, что мусульманским властям было выгодно и такого рода сотрудничество с клиром и неизбежно вытекающее из него падение авторитета церковных иерархов среди верующих, которые все чаще и чаще отказывались от христианства в пользу религии завоевателей – ислама. Отметим также, что со времен мусульманского завоевания Испании в среде христианского населения получили распространение различные ереси, что было связано с постоянными и тесными контактами христиан с мусульманами и иудеями, а также влиянием таких еретических учений, как испанский адопционизм, донатизм и др. [6, vol. 2, pp. 59 – 91].

Основу организации христианской церкви в мусульманской Испании, как и везде, составляли монастыри и храмы (приходы). В период владычества мусульман церкви играли особую роль в сохранении и передачи христианских ценностей, собственного вестготско-римского культурного наследия, а также служили местом общения, встреч, решения насущных проблем, иными словами – социализации.

Церковные и монастырские школы, как и в вестготский период, являлись главными образовательными центрами кордовских христиан. Школьное образование предполагало освоение грамоты (латинского языка) и знакомство с основами христианской догматики. Ученики помогали служителям храмов или насельникам монастырей в повседневных делах, общались с различными церковными практиками. В «программу» церковных и монастырских школ могли быть включены и так называемые свободные искусства – тривиум (грамматика, диалектика, риторика) и квадривиум (арифметика, геометрия, музыка, астрономия). С вест-

готских времен занятия в церковных школах были нацелены в большей степени на практические цели (прежде всего, освоение грамоты), в монастырях же основное внимание уделялось постижению библейских истин через осмысление текстов Писания (ученики монастырских школ редко возвращались к мирской жизни по завершении учебы) [2, pp. 35 – 80].

Источники IX – X вв. упоминают около 20 кордовских храмов и монастырей. Более или менее точно можно локализовано лишь несколько из этих храмов [2, pp. 39 – 41]. Большинство из них располагалось за чертой медины, вдали от административного, культурного и религиозного центра. Одной из немногих церквей, находившихся в черте городских стен, была церковь Трех Святых (кордовских мучеников Фауста, Януария и Марциала начала IV в.), игравшая роль кафедрального собора города после начала строительства в 785 г. на месте церкви святого Викентия кордовской мечети.

Согласно источникам, упомянутые храмы были основаны еще в вестготские времена. А вот некоторые монастыри, по словам Евлогия, закладывались жителями Кордовы уже во времена мусульманского господства. Как правило, речь идет о семейных обителях, которые возводились на средства богатых кордовцев, решивших посвятить себя служению Господу. Кордовские монастыри объединяли небольшое количество послушников, которые нередко жили по собственным «уставным правилам» (что было особенно вероятно в основанных ими же семейных монастырях). По-видимому, эти уставы опирались на предшествующую монастырскую традицию (уставы св. Исидора Севильского, Леандра и проч.). Анализ сведений Евлогия о жизни кордовских монастырей свидетельствует также о близости их «правил» Уставу святого Бенедикта [7, pp. 17 – 27]. Стоит отметить, что монахи, традиционно стремящиеся к определенной автономии от власти церковных иерархов, были более независимы в отстаивании тех или иных приоритетов. Именно монастыри играли роль центров кордовского движения и формировали ту часть церкви, которая выступала против сближения с мусульманскими властями.

Вопрос о возможности «официального» строительства новых церквей и монастырей после арабо-мусульманского завоевания является дискуссионным. По мнению Ф. Х. Симонета, христианам в принципе не разрешалось возводить новые церкви или монастыри, однако власти могли закрывать глаза на такое строительство в случае, если оно никак не сказывалось на взаимоотношениях мусульманской и христианской общин. В период мученических выступлений, согласно Ф. Х. Симонету, власти приказали разрушить незаконно построенные церкви и монастыри (т.е. возведенные после арабо-мусульманского завоевания), а затем, обрушив гонения на мосарабов Кордовы, и старые церкви (сведения о разрушении церквей, построенных за 300 лет до описываемых событий, также содержатся у Евлогия). Ф. Арсе Саинс, напротив, считает, что с образованием Кордовского эмирата в середине VIII в. были зафиксированы некие нормы, регулирующие постройку церквей христианами. Ориентируясь на эти нормы, эмир Мухаммад I приказал разрушить не все церкви, а только связанные с движением мучеников [8].

В заключении хотелось бы отметить еще один важный момент в положении христианской церкви в мусульманской Испании: церковная жизнь мосарабов была в значительной степени изолирована от остального христианского мира. Все контакты с христианами севера носили непостоянный, эпизодический характер, что привело к обособлению церковной организации Испании и консервации некоторых ее черт. Так, например, мосарабы сохранили собственный литургический чин, сложившийся еще при вестготах – т.н. мосарабскую литургию. В 1080 г. на соборе в Бургосе духовенство Кастилии и Леона приняло решение о переходе на завоеванных территориях с мосарабского на римский (галльский) обряд. Однако уже после отвоевания Толедо христианами в 1085 г. мосарабский обряд был сохранен в шести церквях, которые действовали в городе в период мусульманского господства (во вновь построенных храмах вводилось богослужение по римскому обряду). В последующие годы Реконкисты, христианские короли, принудительно вводили римский обряд на отвоеванных территориях, за исключением Кордовы (в 1236 г. мосарабы этого города получили право на сохранение собственной литургии, однако мосарабское население города было таким незна-

чительным, что мосарабская литургия быстро уступила место римскому обряду).

Выводы

В завершение подведем некоторые итоги. Христианская церковь смогла пережить мусульманское завоевание и сохранить свою организационную структуру. Это во многом было связано с политикой мусульманских властей по отношению к христианам в целом – мусульмане не истребляли иноверцев и не принуждали их переходить в ислам. Стоит особенно подчеркнуть, что сосуществование различных этно-конфессиональных общин при доминировании одной из них в средневековый период не было чем-то необычным. Мусульманское завоевание в принципе не предполагало уничтожение покоренного населения или обязательной его ассимиляции.

Ситуация начала меняться в середине IX в., в период укрепления государства (вследствие административных реформ) и мусульманской общины. Христиане утрачивали свое доминирующее положение в обществе, которое переходило к иноверцам, завоевателям мусульманам. В середине IX в. христиане еще составляли большинство населения аль-Андалуса, однако в этот период начался резкий рост мусульманского населения за счет обращавшихся в ислам христиан. Включение христианской общины и церкви в единую государственную и правовую систему эмирата предполагало отказ от какой-либо автономии, которая в определенной степени сохранялась за церковной организацией в сложный и нестабильный период становления мусульманской государственности. Ситуацию усложнял сложившийся в исламской традиции принцип слитности, неразделимости духовной и светской властей, что изначально делало государственную власть аль-Андалуса властью мусульман. В середине IX в. церковь ощутила на себе давление со стороны мусульманских властей, стремившихся контролировать ее и поставить на службу своим интересам. Ответом на это давление стало движение добровольных мучеников, выступивших против вхождения церкви в структуры нового общества и государства на новых для нее условиях – условиях сотрудничества и подчинения.

В условиях деформации всех традиционных институтов христианского социума и размывания этнических, культурных и иных границ именно церковь смогла сохранить собственное лицо христианам Аль-Андалуса (пусть и отличное от лица их северных братьев по вере). Отстаивая приверженность определенным ценностям, церковь напоминала об инаковости христианского населения в окружении завоевателей мусульман и в то же время путем уступок стремилась не допустить нарушение хрупкого межконфессионального мира.

Мосарабская церковь, разделив судьбу христиан мусульманской Испании и фактически исчезнув к концу XIII в., сформировала многие знаковые символы исторической памяти испанцев. Обнаруженные в конце XVI в. тексты Евлогия, рассказывавшие о добровольных мучениках Кордовы, оказались очень востребованы в новом централизованном католическом государстве. Кордовские мученики вернулись в мартирологи и литургические книги, их образ стойких борцов за христианскую веру и культурную самобытность вошел в историческое сознание многих поколений испанцев и актуализировался в их исторической памяти именно в форме тех культурных стереотипов и символов, на которые ориентировался Евлогий. Заметим, что подобное восприятие добровольных мучеников до сих пор нередко встречается на страницах самых разных работ и не теряет своей актуальности, несмотря на очень противоречивые трактовки и интерпретации кордовских событий.

Литература

1. Bulliet R. Conversion to Islam in the medieval period: an essay in quantitative history. Cambridge, Harvard University Press, 1979.
2. Herrera Roldán P. Lengua y cultura latinas entre los mozárabes cordobeses del S. IX. Córdoba, Universidad de Córdoba, 1995.
3. Orlandis J. La iglesia en la España visigótica y medieval. Pamplona, Universidad de Navarra, 1976.
4. Herrera Roldán P. San Eulogio de Córdoba. Obras completas, Madrid, Akal, 2005.

5. Apologético del abad Sansón, ed. Palacios Royán J., introd. Gonzalo del Cerro C. Madrid, Akal, 1998.
6. Menéndez Pelayo M. Historia de los heterodoxos españoles. Madrid, Editorial Católica, 1978, vols. 1 – 2.
7. Linage Conde A. Los orígenes del monacato benedictino en la Península Ibérica. León, Centro Isidoriano, 1973.
8. Arce Sainz F. Construcción de Iglesias de la Córdoba emiral: testimonios documentales, Andalucía medieval, (I), Córdoba, 2003, pp. 293 – 303.
9. Simonet F. J. Historia de los mozárabes de España. Madrid, Real Academia de la Historia, 1897 – 1903.
10. Рыбина М.В. Религиозное образование и формирование конфессиональной и культурной идентичности христиан мусульманской Кордовы (IX век) // Одиссей: человек в истории: Школа и образование в Средние века и Новое время. 2010/2011. Москва: Наука, 2012, с. 30 – 46.

Наказы дворян Малороссии в Уложенную комиссию Екатерины Великой (1767 – 1768 гг.)

к.и.н. Французова О. А.
Университет машиностроения
147002535@mail.ru

Аннотация. Упразднение автономий, постепенная унификация, централизация и русификация окраин империи, проводимая Екатериной Великой, сталкивались с недовольством малороссийской шляхты. Дворянское сословие Малороссийской губернии, в том числе киевское, черниговское, миргородское, полтавское, переяславское и глуховское, стремилось сохранить полученные от польских королей и украинских гетманов вольности и при этом быть уравненным в правах с русским дворянством. Социально-экономические требования, изложенные в наказах в Уложенную комиссию 1767 – 1768 гг., включали прикрепление крестьян к земле, снижение налогов, отмену недоимок. Наказы дворян Малороссии содержали ряд социальных требований и просьбы в области просвещения.

Ключевые слова: Екатерина Великая, Малороссия, дворянские наказы, Малороссийская губерния, Уложенная комиссия Екатерины Великой, малороссийское дворянство.

В период укрепления сословного строя в России в XVIII в. дворянское сословие получило колоссальные права и привилегии от государей и государынь, опиравшихся на дворянство в своих притязаниях на трон. В правление Екатерины Великой Жалованной грамотой 1785 г. дворянское сословие освобождалось от обязательной службы, личных податей и телесных наказаний. Оно получало исключительные права собственности на землю и крестьян. Имена объявлялись личной собственностью помещиков, которые могли создавать на своих землях промышленные предприятия. Господствующему сословию присваивалось именование “благородное” и предоставлялось право выбора уездных и губернских предводителей дворянств в уездные и губернские дворянские собрания для представления правительству своих нужд и потребностей. Все это позволяет говорить о “золотом веке” дворянства в правление Екатерины II, искавшей в дворянах опору в начале своего воцарения и всего последующего правления.

После вступления на престол Екатерина II, стремясь укрепить свое положение, созывает в 1767 г. Уложенную комиссию “дабы лучше узнать нужды и чувствительные недостатки своего народа”. В комиссии были представители от всех сословий, кроме крепостных крестьян, но ведущую роль играли дворянские депутаты. Надо отметить, что требования дворянства не были однородными, имели и общие черты, и свою специфику в зависимости от социально-экономического и политического развития регионов, которые они представляли.